

Орловский «Молот»

Алексей Кондратенко

В 1902–1904 годах «Орловский вестник» довольно часто (в иные недели – еженедельно) публиковал материалы Э. Павчинского. Эразм Иустинович (Густавович) Павчинский родился в 1876 году в Житомирской губернии в дворянской семье. Православного вероисповедания, окончил житомирскую гимназию. Несмотря на то, что к моменту приезда в Орел ему было всего 25 лет, успел поработать в редакциях газет в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму и Ростове-на-Дону (газеты «Донская речь», «Южный курьер» и другие).

Смелые «Искры»

В «Орловском вестнике» большинство его публикаций было подписано псевдонимом «Молот» (а также Пав Чинский, Э.П., Печерский и др.). Начало сотрудничества Павчинского с «Орловским вестником» – цикл «Зигзаги» (с января 1902 года), затем, спустя четыре месяца, цикл «Искры»: едкие сатирические зарисовки, комментарии, стихотворения за подписью «Молот». Со времени публикации полтора десятка лет назад фельетонов радикально настроенного И.П. Белоконоского в газете ничего подобного не печаталось: в лучшем случае это были тяжеловесные, многословные обзоры городской жизни за подписью Смагарда Горностаева (псевдоним Н.И. Васильева).

К тому же название цикла «Искры» выглядело весьма смелым: именно в это время в России нелегально распространялась революционная газета «Искра», основанная В.И. Лениным. Публикации Павчинского в «Орловском вестнике» были направлены в первую очередь против мешанской, провинциальной «обывательщины». Автор находил темы в губернском городе буквально на каждом шагу. Так, по приезде в Орел он ищет квартиру подешевле, а потому откликается на рекламу Общества взаимной пользы. Однако цены здесь кусаются: общество просит 70 рублей в месяц. Так рождается первая зарисовка цикла «Зигзаги».

«Переспросил даму. Она:

– Вы забыли, вероятно, куда вы пришли.

И она почти права. Я действительно забыл, что нахожусь в обществе «Взаимная польза». Но я сейчас же вспомню об этом. И надежда найти в Орле «взаимность» исчезла вмиг, как дым. Мне сделалось грустно. Я оглянулся кругом, но «некому руку подать...»

«Взаимность», тахируемая семьюдесятью рублями в месяц, меня пугала: это «взаимность» по какой-то двойной итальянской бухгалтерии».

Литературные аллюзии

Уже в первых публикациях Молота в орловской газете проявилась его авторская манера – использование для создания сатирического образа мифологических персонажей (Пегаз, Вельзевул, Пименей и так далее) ироничных устойчивых выражений (итальянская бухгалтерия). Последователь Генриха Гейне, наследник русской сатирической журналистики 1860-х и современник сатириков Серебряного века, Павчинский весьма часто для создания комического эффекта использовал литературных героев – в основном из сатирических произведений русских классиков. Например, некий раскол в стане провинциальных любителей еженедельника «Нива», часть которых предпочла читать возобновленное в 1902 году «Живописное обозрение», Молот преподносит как ссору Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: оба выписывали «Ниву», потом Иван Никифорович решил выпустить «Живописное обозрение». В другой заметке используется образ Ивана Ивановича Плюшкина из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Обличая игру в карты, ведущую к растратам, Молот обращается к образу Расплюева, центрального персонажа пьесы А.В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского».

Чтобы быстрее найти общий язык с читателем, Молот использует цитаты из хрестоматийно известных литературных произведений. Так, начало одной из заметок цикла «Зигзаги» содержит почти точную цитату из «Медного всадника» А.С. Пушкина:

«А ведь выборы-то у нас на носу, – такими словами встретил меня на днях один из местных обывателей в то время, когда я, «дум великих полон», собирался в управские апартаменты».

А вот завершающие строки публикации из цикла «Искры»:

«С тяжелым чувством я возвращался домой. Полон грустной тревоги, Шел по грязной дороге... Наобум. Полон дум...»

Отрывок из сатирического стихотворения:

Носились в воздухе
виденья.
Шагал безмолвно
Вельзевул.
Свисток рыдал...
и в отдаленье
Кричали де-то «караул!»

Здесь очевидна переключкича «Песню узника» Ф.Н. Глинки, в 1830-е годы отбывавшего ссылку в Орле:

Не слышно шуму
городского,
В заневских башнях
тшшшш!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

Находим среди публикаций Павчинского и обращение к драматургии А.П. Чехова (его рассказы «Орловский вестник» тогда довольно часто перепечатывал из столичных газет): «Они догорали... Она медленно увядала и, находясь в предсмертной агонии, вздрагивая, восклицала словами чеховского доктора Чебутыкина:

– Я не существую... Мне только кажется, что я существую... Но меня уже нет... Вокруг меня тоже ничего не существует...»

Она печально взглядывала на отуманенных грустью присных, окружающих ее смертный одр, и тихо, едва слышно, напевала: «Не говори, что молодость стубила!»

В таких судорожных движениях умирает в настоящее время она – наша... наша ремесленная управа, которая в виду упразднения ремесленного общества приговаривается к сдаче капиталов, имущества и дел в городскую управу».

Обращение к Тургеневу

Еще прием – обращение к образу наиболее известного писателя-земляка. В очередном «Письме к кузине» речь идет о невыполнении орловскими городскими властями обещания открыть в память о И.С. Тургеневе Народный дом:

Я обмер... вижу силуэт...
И пред моим предстал
вдурм взором
Тургенев, наш земляк,
поэт.

Он на Орел глядел
с укором.
И, озираяся кругом,
Искал все свой Народный
дом.

(Его он ждет уж
деадиать лет,
Но дома нет все,
нет и нет)...

Потом все стихло –
и тоска
Одна лишь камнем
грудь давила.

Да бушевавшая Ока
Ей песней жалобной
вторила...

И сколько чувства
в песне той,
Унылой, грустной,
и простой!..

Тоски и горести полна,
Казалось, плакала она
И вызывала на челе
Немало мыслей об Орле.

Орловский обыватель, конечно же, прекрасно знал, что такая равнинная река Ока (вспомним левское: об Орле «вспойшем на мелких водах...») никогда не бушует. Однако в стихотворении образу реки приданы совершенно неестественные, комические черты, и этим подчеркивается возмущение автора (а с ним и городской интеллигенции) по поводу невнимания властей к памяти великого земляка.

«Через сто лет»

Фельетонист «Орловского вестника» начала XX века Эразм Павчинский сатирически заострил даже такой литературный прием, как сон героя (в данном случае – автора). Так строится фельетон «Через сто лет»: «Побывав на одном из спектаклей Орловского общества любителей изящных искусств, я уснул и проспал ровно сто лет. Когда я проснулся и заглянул в календарь, то на его обложке красовалось крупными буквами: 2003 год...»

Фуруристическая картина при всех ее подробностях и необычных деталях служит только од-

ной цели: высмеять те или иные сегодняшние неурядицы в Орле. Когда перечисление начинается утомлять читателя, автор резко прерывает повествование: «Не может быть! – громко крикнул я, и от своего же крика освободился из объятий Морфея, перейдя из мира сновидений в мир действительный».

В другой раз автор «оживляет» парковую статую, придумывает ее «диалог» с опавшим, но также ожившим и заговорившим древесным листом. Не будь этого литературного приема, сама тема публикации могла бы показаться весьма скучной, а обращение к читателю – чисто морализаторским.

Речь идет о том, что городская дума ограничила возможность массовых увеселений со спиртным в черте Орла, но в шаге от границы города, в так называемом Костомаровском саду, обыватели не чувствуют никаких барьеров. Фельетон «Из дневника городской статуи» автор начинает так: «О, если бы я это сделала раньше; если бы рассказала все то, чему многие годы была свидетельницей – скольким людям я открыла бы глаза, сколько спасла бы молодых, доверчивых сердец от ран, нанесенных стрелькой амура... Но я молчала».

Далее следует изложение сути проблемы с размышлением о том, почему городская дума не может власть употребить и навести порядок. «Прошлогодний лист из Костомаровки улыбнулся:

– А нам на это хотаитьво наплевать, – цинично произнес он, – потому что мы будем веселиться не в городе, а за городом, понимаете ли, сударыня, игры, братские попойки, настержьк двери и сердца!.. – продекламировал он и, махнув грязным стебельком, удалился».

От сатиры до иронии

Иредка использовал Павчинский и весьма узнаваемые среди современников образы, созданные М.Е. Салтыковым-Щедриным: «Стояли они, несчастные, беденские, понура головы и стараясь сохранить свой обычный слащавый вид щедринского Иудушки – этого славного представителя семьи Гловлевых».

Это были дети, достойные славных отцов. Матушка-управа, с нежной любовью взирая на своих птенцов, шептала им на ушко славные речи:

– Безнадесные вы, мой голубчики!..

– Точно: безнадесные, матушка, – дружно, хором ответствовали «голубчики», – заступись хоть ты за нас... Чай, не чужие тебе...

– Охо! хо! – какой там чужие: родные вы мои... А «как не порадет родному человеку»...

И матушка-управа «радела»...

Впрочем, сатирический пафос в заметках Павчинского порой сменялся легкой иронией. Даже весеннее пробуждение природы он «притягивает» к извечным проблемам засилья бюрократии в провинции: «Веселый месяц май» глядит сурово. Солнышко, которое то выплывает, то спрячется, держит себя так, как будто оно не получило еще на выход разрешение начальства.

Пименей, увеличивший было штат амуров, снова сократил их число и, с недоумением взирая на Орел, вероятно, не раз уже воскликнул про себя:

– Ну и публика!
Курский соловей, зацуркавший как-то в городском саду, тоже словно чего-то испугался и спрятался.

Словом, май в Орле получился совершенно не таким, каким положено ему быть по штату».